

О.С. ГРЯЗНОВА, Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ ЛАЙФОРДА ЭДВАРДСА

Как формируются «каноны» в истории социальных наук? Почему одни теоретические системы и исследовательские программы приобретают со временем статус «классических», а другие предаются забвению? Почему некоторые научные публикации пополняют корпус прецедентных текстов, а некоторые — нет? Каким образом ученые становятся мэтрами обществоведения, «фигурами первого ряда»? На эти вопросы у историков общественной мысли нет однозначного ответа. А между тем судьбы многих идей поистине удивительны. И дело здесь далеко не только в личности их создателей. К. Маркс был бы озадачен, если бы узнал, что в XX веке будет почитаться в научном сообществе западных стран прежде всего как социолог, а не как экономист. Сегодня мало кто сомневается в величии философского гения Канта и Гегеля, однако у ряда авторитетных немецких философов XIX столетия на сей счет было совершенно иное мнение. Дж.Г. Мид, которого мы сегодня почитаем как основателя символического интеракционизма, был исключительно скромным человеком, рядовым профессором Чикагского университета, не опубликовавшим при жизни ни одного значительного научного труда. А. Шютц работал банковским юрисконсультантом и занимался феноменологическими штудиями в свободное от основной работы время. Идеи этих мыслителей были «канонизированы» в истории социологии благодаря усилиям их

Грязнова Ольга Станиславовна — научный сотрудник Аналитического центра Юрия Левады. **Адрес:** 103012 Москва, ул. Никольская, д. 17. **Телефон:** (095) 229–93–66. **Электронная почта:** og@levada.ru

Подвойский Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов. **Адрес:** 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. **Телефон/факс:** (095) 433–20–22. **Электронная почта:** dpodvoiski@yandex.ru

последователей (Г. Блумера в случае с Мидом и Т. Лукмана в случае с Шютцем). Известность социологической концепции В. Парето, по всей видимости, была бы локализована в рамках франко-итальянской интеллектуальной традиции, если бы Т. Парсонс не рассмотрел его теорию в своей «Структуре социального действия». Примеров подобного рода в каждой области знания существует великое множество.

Прижизненная оценка личного вклада в науку нередко оказывается иллюзорной — по крайней мере «с точки зрения вечности». Но бывают и другие случаи — когда к тем или иным концепциям признание приходит спустя годы и десятилетия после смерти их создателей. Признание актуальности и эвристичности идей (разумеется, если они того заслуживают) — сфера компетенции и «профессиональной ответственности» историков науки. Именно они создают «каноны», составляют «рейтинги» индивидуальных достижений в конкретных областях знания. Их задача не в последнюю очередь состоит в том, чтобы перечитывать запыленные фолианты и размышлять: правильно ли составлен канон, не забыли ли хранители интеллектуальной традиции кого-либо из достойных ее представителей. Случается, что результаты обращения к старым книгам превосходят ожидания. Тогда становится возможным обогащение канона, а следовательно, и новое видение тех или иных актуальных научных проблем.

Настоящая статья посвящена творчеству Лайфорда Эдвардса — одного из незаслуженно забытых авторов в истории социологии. Имя этого американского ученого сегодня известно лишь узкому кругу исследователей. В современной российской обществоведческой литературе мы находим только редкие упоминания об Эдвардсе и его идеях¹, что не слишком удивительно. Куда более удивительным выглядит отсутствие интереса к творчеству Эдвардса в зарубежной науке, в частности на его родине — в Соединенных Штатах. Авторы данной статьи ставят перед собой достаточно скромную задачу: изложить содержание теории революции Л. Эдвардса, по возможности воздерживаясь от собственных комментариев и интерпретаций. Эта теория, несомненно, нуждается в серьезном историко-социологическом анализе, не ограничивающемся «чисто доксографическими» задачами. Более того, концепция Эдвардса должна быть признана исключительно эвристичной — в том смысле, что с помощью ее «инструментария» можно эффективно исследовать реальные социально-трансформационные процессы, происходившие в разных странах в разные исторические эпохи (не исключая и современного периода общественного развития). Однако подобного рода исследовательские перспективы заслуживают того, чтобы быть развернутыми в отдельной публикации.

¹ Исключение составляют некоторые публикации Г.С. Батыгина: [6, 7].

Лайфорд Эвардс и «Естественная история революции»

Лайфорд Патерсон Эдвардс был священником американской епископальной церкви. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и в ходе ее он совмещал основной род деятельности с посещением лекций на богословском факультете Чикагского университета. Тогда же в университете активно развивались отношения между представителями богословского и социологического факультетов. Социологический факультет, в свою очередь, поддерживал отношения с историческим. Практика междисциплинарного сотрудничества была одной из отличительных черт Чикагского университета. Данный факт отражался, в частности, на выборе лекционных курсов студентами и слушателями. Исследовательские интересы Эдвардса в это время сосредоточивались главным образом в области социальной истории христианства. Впоследствии он написал диссертацию на данную тему.

На формировании научного мировоззрения Эдвардса не могли не отразиться социологические и исторические знания, полученные на лекциях, а также личные контакты. «Харизматической фигурой» на социологическом факультете Чикагского университета в это время был Роберт Парк, побуждавший молодых ученых к исследованиям общественной жизни. Биограф Моррис Яновиц сообщает, что Эдвардс посещал лекции Парка и был искренне воодушевлен его проектами изучения коллективного поведения. Появлением работы «Естественная история революции» мировое социологическое сообщество обязано не только ее автору, но и Роберту Парку, фактически заставившему Эдвардса изложить свои мысли в форме научного трактата. Прочитав короткую статью Эдвардса «Механизмы революции», опубликованную в мае 1923 г. в Бюллетене колледжа Святого Стефана [2], Парк заинтересовался анализируемой проблемой. Идея «сравнительной истории» Фредерика Теггарта и размышления Эдвардса казались Парку весьма притягательными. В личной беседе с Яновицем Эдвардс так описал реакцию Парка на свою статью: «Он считал, что она должна быть развернута в книгу. У меня было не слишком много энтузиазма, но он продолжал настаивать, и в конце концов я сдался. Он предложил мне помощь, и мы провели выходные дни в моем доме в Стамфорде, в Коннектикуте, моделируя проект этой книги. Он корректировал некоторые моменты. Без его настойчивости и поощрения эта работа никогда не была бы написана» [3, р. X].

«Естественная история революции» была опубликована в 1927 г. — спустя два года после выхода в свет «Социологии революции» П.А. Сорокина [5; 10, с. 266–294]. Книга Эдвардса издавалась в серии «Социология Чикагского университета»; авторский текст предваряло введение, написанное Парком. Более десяти лет она широко цитировалась. После этой книги Эдвардс больше не писал научных работ, посвятив себя преподаванию — сначала в колледже Святого

Стефана, а с 1935 г. — в колледже Бард (Аннандейл-на-Гудзоне, штат Нью-Йорк) — месте, весьма удаленном от бурной академической жизни, что, в свою очередь, оказало влияние на судьбу самой книги. Со временем большую популярность приобрела работа Крейна Бринтона «Анатомия революции» [1]. Известность в научных кругах этой книги, опубликованной через одиннадцать лет после книги Эдвардса, сегодня во много раз превышает известность «Естественной истории революции». Сравнение текстов показывает, что Бринтон испытывал сильнейшее влияние идей Эдвардса и даже заимствовал существенные фрагменты теории последнего.

Что представляет собой исследование Эдвардса в методологическом отношении? В нем конструируется некая теория — однако теория особого рода. Книга написана профессиональным историком. Но Эдвардс-историк обладал изрядной долей «социологического воображения» (не в специфически миллсовском, а в более широком, метафорическом, смысле). Важные теоретические конструкты в его книге утопают в море примеров и иллюстраций, но не тонут в нем. На конкретных исторических фактах демонстрируется эвристичность и операциональность социологических генерализаций (при этом они скорее выступают у Эдвардса в качестве «рабочих гипотез»). Эдвардс подробно анализирует опыт четырех революций: английской пуританской (XVII в.), американской (война за независимость), французской (конца XVIII в.) и русской (начала XX в.). Некоторые важные примеры он заимствует из истории двух «духовных революций» — эпохи упадка античной культуры и утверждения христианства и эпохи Реформации. Разглядеть в индивидуальном черты существенного — основная задача книги Эдвардса. Здесь мы имеем дело со своеобразной протоверсией исторической социологии, утверждающей методологическую самобытность где-то между Сциллой идиографической программы case studies (столь любимой представителями Чикагской школы) и Харибдой стерильного номотетического сциентизма.

Основной практический мотив Эдвардса при изучении революционной проблематики — представление о превентивной функции подобных исследований: «В том случае, если знания, полученные в ходе исследования, смогут быть популяризованы, можно избежать многих человеческих страданий» [3, р. 129]. Такая установка соответствует общей либерально-мелиористской ориентации, определявшей характер идеологических воззрений большинства представителей ранней американской социологии².

² Данная идеологическая ориентация сформировалась в значительной степени под влиянием социальной доктрины протестантского реформизма. Подробнее см.: [8].

Революция в структуре исторического процесса

Как видно уже из названия книги, революция рассматривается Эдвардсом как естественный процесс. Здесь обнаруживаются отголоски типичной для второй половины XIX столетия интеллектуальной моды на органицизм. Признавая недостатки органицистских концепций, Эдвардс тем не менее не стремится полностью игнорировать их. Он не уподобляет общество природе, но говорит о единой логике изменений всего живого, об эволюции и «естественной истории». Любой комплекс социальных изменений следует рассматривать как перманентный процесс, происходящий с разной степенью интенсивности. Изменение всегда несет с собой отмирание одной формы существования и замещение ее другой.

Взгляд Эдвардса на исторический процесс сопоставим с идеями Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, указывавших на неотвратимость конца каждой конкретной цивилизации и последующего замещения ее другой. В качестве специфического аргумента в защиту подобного видения истории выступает положение: каждый организм стремится создать вокруг себя такие условия, которые впоследствии его уничтожат. В определенный момент он вступает в противоречие с глобальными условиями и гибнет. Эдвардс распространяет данную процессуальную схему на общественные группы и классы, указывая при этом, что каждое социальное образование имеет определенный цикл развития и после своего расцвета неминуемо приходит к упадку и уступает место более сильным и здоровым группам.

Конечно, сравнение социальных классов с живыми организмами выглядит наивным. Однако из такого сопоставления он выводит тезис о «генетической непреемственности видов». В ходе эволюции господствующий вид отмирает, а его место занимает прежде незначительный вид. Оба вида происходят от общих предков. «Каждому отмирающему виду наследует его весьма дальний родственник. Этот принцип может быть применен к социальным институтам и системам так же, как и к биологическим видам» [3, р. 4]. Место птеродактилей в небе заняли птицы, произошедшие от примитивных мезозойских птиц, которые в свою очередь произошли от простейших рептилий, являвшихся также прародителями птеродактилей. Применительно к обществу этот тезис иллюстрируется примером «угольных баронов» и «стальных королей», занявших с наступлением Нового времени место феодальных властителей эпохи Средневековья. Они эволюционировали из крестьян, имевших весьма отдаленное отношение к высокостатусным группам. Их общими предками были примитивные и грубые варвары, уничтожившие Римскую империю. Эдвардс полагает, что процветающая в настоящее время капиталистическая система будет замещена системой, основанной на власти трудовых объединений и профсоюзов. Обосновывая свою гипотезу, он указывает на рост

влияния данных социальных агентов в современном мире и упоминает социалистические концепции, которые могут выступить в качестве правдоподобного пророчества будущего общественного порядка.

Последовательное замещение одного вида другим — важная составляющая процессов социальной динамики. Такого рода замещение в большинстве случаев не является результатом войны или других насильственных акций, хотя иногда ими сопровождается. Насилие лишь подтверждает то, что изменение в социальной системе уже произошло. Трансформационные процессы происходят медленно и незаметно. «Прежде, чем Лютер написал свои тезисы на двери Виттенбергской церкви, изобретение печатного станка, рост исторического критицизма, усиление монархии и многие другие факторы уже разрушили властную систему средневекового устройства» [3, р. 7].

Революции, по мнению Эдвардса, представляют собой особый тип изменений. «Они являются одной из многочисленных форм социального изменения — одним механизмом среди многих других, работающих на изменение человеческого общества» [3, р. 1]. К числу других механизмов изменения Эдвардс относит фантазии, моду, идеи фикс, панику, выборы, крестовые походы, восстания, войны, научные открытия и технические достижения. «Истинная революция практически всегда является процессом медленным, по сути своей мирным и незаметным. Насильственные восстания, как правило, называемые революциями, вызываются в большей степени консерватизмом экономически преуспевающего класса, не желающего признать тот факт, что настоящая мирная революция уже свершилась» [3, р. 9].

Характеристика революции и ее отличительные черты

Приступая к анализу революционного процесса, Эдвардс пытается обозначить базис, на котором он будет строить свою концепцию. В качестве такового он использует теорию потребностей У. Томаса. Томас утверждал, что у человека имеется четыре вида элементарных потребностей: в новом опыте, безопасности, признании и ответном чувстве. Исходя из аксиоматических посылов указанной теории Эдвардс выделяет стабильные и нестабильные общества. В стабильных обществах важную роль играют институты, обеспечивающие реализацию этих четырех потребностей. В нестабильных же и революционных обществах, напротив, наблюдаются дисфункции в деятельности институциональных структур, отвечающих за реализацию той или иной (или нескольких) из перечисленных потребностей. Уровень насилия в ходе революции зависит от степени подавления потребностей индивидов и групп. Эдвардс определяет революцию как специфическое изменение общества, включающее разрушение тех институтов, которые препятствуют удовлетворению одной или нескольких из этих четырех элементарных человеческих потребностей.

Отмечая грань между истинными революциями и восстаниями, Эдвардс вводит критерий демаркации. В качестве первого и важнейшего признака он называет медленное становление революционного процесса. В том случае, если в отдельной социально-политической системе достаточно часто происходят перевороты, сопровождающиеся насилием, как, например, в странах Африки и Латинской Америки, их нельзя рассматривать как революции. Эти процессы в большинстве своем выполняют функцию избирательной системы, существующей в демократических государствах.

Эдвардс, подкрепляя свои аргументы эмпирическим материалом, опровергает ряд «стереотипов». Один из них заключается в том, что революция является синонимом анархии и сопровождается всплеском беззакония. Хотя на момент начала революции большинство членов общества и оценивают социальную ситуацию в стране как «беззаконную», тем не менее, с более отдаленной перспективы можно заметить, что беззакония в большинстве случаев нет, а есть только смена представлений о законности. Эдвардс отрицает анархический характер революции, указывая на существование законов развития революционного процесса, проявляющихся, в частности, в последовательности позиций лидеров революционного движения. Они — как уничтожители системы легальностей, так и ее создатели. «До тех пор пока революции не одерживают победу, они являются беззаконными, однако никогда — анархичными. У революции нет недостатка ни в порядке, ни в социальном контроле. Только порядок и контроль — другие, такие, к которым еще никто не привык, которые еще не распознаются как таковые» [3, p. 108].

В революционном процессе принимают участие минимум три (а в большинстве случаев четыре) поколения членов сообщества. Логике развития революционного процесса и поколенческую преемственность его участников Эдвардс описывает следующим образом:

1. Реализация руководящих функций и сами качества правящего класса становятся хуже. Однако поколение, знавшее расцвет этой власти, продолжает поклоняться ей.

2. Второе поколение выросло на рассказах отцов и дедов о блеске и величии власти в прошлом. Это поколение верит во власть.

3. Третье поколение настроено скептически. Величие власти для его представителей — история. Они поклоняются ей по традиции.

4. Четвертое поколение уже не видит ценности этой власти, у него нет традиции поклонения ей, и оно свергает ее.

Отметим, что не всякая институциональная система подвержена подобного рода уничтожению. Если она апеллирует к морали и закреплена в ней, она может долгое время существовать, несмотря на акции протеста против нее, и будет свергнута только тогда, когда в ней исчезнет необходимость.

Симптомы революции

Особое место в работе Эдвардса занимает раздел, посвященный последовательности симптомов грядущего революционного взрыва. Описываются «эмпирические индикаторы», которые могут быть «зафиксированы» в рамках конкретного революционного процесса. Эдвардс выделяет два вида симптомов революции: *предварительные* и *обязательные*. К числу предварительных симптомов он относит рост социальных перемещений, падение нравственности, появление «уклоняющейся диспозиции» и улучшение благосостояния угнетаемых. Предварительные симптомы являются своего рода «предостережениями». За ними не в каждом случае следует революция, однако перед революцией данные симптомы появляются всегда. Двумя главными обязательными, от которых впоследствии развиваются дополнительные (производные) симптомы, Эдвардс называет «смещение лояльности интеллектуалов» и «социальный миф».

Социальные перемещения. Стрейнджеры

В числе первых (предварительных) симптомов революции Эдвардс называет социальное беспокойство, вызываемое целым комплексом причин, среди которых важнейшая — это «окаменение» социальных институтов: они теряют гибкость, возможность приспосабливаться к меняющимся условиям и потребностям членов социальной системы. Подобные институты все более и более препятствуют реализации первичных потребностей отдельных субъектов и групп. На протяжении достаточно продолжительного времени данная проблема остро не ощущается. Члены сообщества испытывают некий психологический дискомфорт и стремятся избавиться от него посредством бесцельных путешествий и пустой деятельности. Они не осознают причин этого и тем более не задумываются о каких-либо революциях. Эдвардс указывает на жесткую взаимосвязь между социальной нестабильностью и социальными перемещениями. Путешественник, столкнувшийся с другой социальной системой, получает возможность сравнивать свое общество с другим. Нередко у него вырабатывается критическое отношение к собственному обществу.

Однако не только путешественники могут влиять на уровень беспокойства в обществе. Важной фигурой в трансформационном процессе являются «аутсайдеры» (или «стрейнджеры») — «люди, пришедшие, чтобы остаться, но тем не менее продолжающие быть чужими». Не будучи «продуктом» данной культурной традиции, они не усвоили предрассудки, обычаи, правила поведения, принятые в этом обществе, не вовлечены в исторический контекст, определяющий функционирование конкретной социальной системы. Они воспринимают свое социальное окружение при помощи разума, а не чувств. Стрейнджеры открывают людям глаза на их несовершенство, проводя

сравнение данной группы с другими, более прогрессивными, с которыми им довелось познакомиться [3, р. 24]³.

Однако роль вернувшихся на родину путешественников и «аутсайдеров» может быть значимой только при наличии в обществе определенного уровня неудовлетворенности. Они призваны «озвучить» ее, сделать очевидной. Другой вид социального перемещения — бродяжничество, все более распространяющееся среди низших слоев общества. Этим людей побуждает к скитаниям не только чувство беспокойства, но и объективные обстоятельства (например, обезземеливание — для бывших жителей сельской местности). Потерявшие землю крестьяне стекаются в города, где появляется переизбыток рабочей силы, и пополняют ряды городского люмпен-пролетариата. Подобное социальное явление сопровождается ростом преступности, умопомешательств, самоубийств и т. д., — начинаясь в низших социальных стратах, они впоследствии распространяются на высшие.

Падение нравственности

Второй из выделяемых Эдвардсом предварительных симптомов революции — «падение нравственности». Отсутствие морального поведения, дисфункции в структуре нормативных институтов сами по себе указывают на наличие в обществе неких скрытых трансформационных процессов. Однако автор подчеркивает, что не всегда «аморальность общества» свидетельствует о грядущей революции. Всплески девиаций различного рода могут быть зафиксированы в различных обществах — в том числе и тех, которые не находятся в состоянии предреволюционного беспокойства; однако в любом предреволюционном обществе наблюдается падение нравственности. Категория безнравственности, согласно Эдвардсу, в практической жизни раскрывается в фактах распутства, жестокости, убийств, расточительности, коррупции, несерьезности судебных органов и духовенства и т. д. Безнравственность проявляется и в произведениях культуры, в том числе в литературе, тем самым поддерживая, эстетизируя и провозируя новый виток девиации.

«Уклоняющаяся диспозиция»

«Уклоняющаяся диспозиция» появляется у членов общества перед революционным взрывом. Данная ментальная установка формируется из-за растущего беспокойства, ощущения утраты легитимных оснований индивидуального и коллективного существования. Чувство беспокойства развивается по нарастающей так же, как любое другое социальное чувство, обладающее свойством заражать окружающих. Люди теряют цели, ощущают потребность в нового рода

³ Социальный тип «стрейнджера» в существенных чертах совпадает с образами «маргинального человека» и «чужака», описанными Р. Парком и Г. Зиммелем.

стимулах и поощрениях. Появляется осознание рутины, ощущение неудовлетворенности повседневностью.

На этом этапе еще не осознаются причины беспокойства, не виден выход из сложившейся ситуации, никто еще не думает о революции. Люди тревожны и раздражительны, наиболее решительные и активные ищут избавления от встающих перед ними проблем в эмиграции. Эмиграция в репрессивных обществах — это проявление «уклоняющейся диспозиции». Однако дело здесь обстоит приблизительно так же, как и с безнравственностью. Не всякий всплеск эмиграции — симптом революции (эмиграция может быть вызвана и экономическими причинами), но перед всякой революцией наблюдается всплеск эмиграции. Кроме этого, не все деятельные члены общества выбирают эмиграцию, многие остаются для того, чтобы впоследствии стать активными участниками революционного процесса.

Увеличение благосостояния, осведомленности и власти у народа

Эдвардс в своем исследовании опровергает мнение, согласно которому революционный взрыв происходит лишь в той ситуации, когда уровень народного благосостояния является наиболее низким, а гнет репрессий — особо невыносимым⁴. Конкретные исторические примеры, утверждает Эдвардс, свидетельствуют об обратном, а именно: в период, предшествующий революции, наблюдается рост благосостояния населения.

С развитием социальных отношений и научно-технического прогресса положение угнетенного класса, его материальное благосостояние, объем знаний и возможность влиять на ход событий изменяются. Угнетенные получают доступ к информации, меняется их мировосприятие, чувствительность к репрессиям и порождающим их институтам. «Чем богаче становятся члены низших слоев, тем больше они требуют социального признания, свобод, авторитета, влияния на правительство, судебные органы, церковь, институты социального контроля. Они становятся чем более образованными, тем более критически настроенными; и если условия не улучшаются, критицизм перерастает в бунт» [3, р. 34].

Однако не только уровень благосостояния и образования репрессуемых повышается, но и сами репрессии становятся менее жесткими. К моменту революционного взрыва репрессивные институты *менее всего* репрессивны. У репрессуемых появляется возможность бунтовать и получать значительные уступки. Именно в условиях ослабления существующих форм власти возникает реальный шанс изменить стратификационную структуру. Революцией, полагает Эдвардс, руководит не столько отчаяние, сколько надежда.

⁴ Такой точки зрения (хотя и с известными оговорками), в частности, придерживался П.А. Сорокин.

«Смещение лояльности интеллектуалов»

Социальная структура всякого общества, по мнению Эдвардса, состоит из трех основных групп — «эксплуататоров», «производящих рабочих» и «непроизводящих рабочих» (интеллектуалов)⁵. Подобное огрубление стратификационной иерархии помогает Эдвардсу объяснить суть процессов, происходящих в предреволюционный период. Автор описывает механизм межгруппового взаимодействия, обеспечивающий законосообразное протекание трансформационных процессов. При этом социальные единицы Эдвардс группирует по «функциональному основанию». Так, представители эксплуатирующей группы контролируют капиталы и ресурсы; производящие рабочие обеспечивают необходимый для поддержания общественной жизнедеятельности уровень производства; интеллектуалы отвечают за трансляцию будущим поколениям культурного багажа эпохи. Подобное распределение ролей имеет место в стабильных обществах. Когда же общество входит в революционную стадию, наблюдаются некоторые смещения в функциях названных групп. В связи с этим Эдвардс предпочитает называть их «репрессивными», «репрессивными» и «публицистами».

В стабильных обществах, как правило, существует альянс между репрессивными и публицистами. Публицисты выполняют важную функцию по поддержанию общественного порядка и института собственности, транслируя в массы определенный комплекс ценностных установок. В нестабильном же обществе интеллектуалы, почувствовав на себе репрессии, начинают анализировать причины нарождающихся социальных волнений. Институты, которые они прежде защищали, теперь видятся им репрессивными и критикуются, права собственности, которыми обладает «праздник класс», оспариваются. Критике подвергается бездельность и паразитический образ жизни представителей правящего класса. Публицисты вступают в альянс с репрессивными. Они начинают формировать и защищать представления о новых социальных институтах, которые призваны заменить существующие.

Изменение идеологических ориентаций публицистов влечет за собой потерю веры в тех, кто в данное время владеет средствами социального контроля. Публицисты еще в полной мере не осознают действительных причин складывающегося недовольства. Они направляют поток критики на самые заметные фигуры, предъявляя им обвинения в проведении репрессивной политики. Атмосфера критицизма ставит

⁵ Последних он называет также «интеллигенцией» и «высоколобыми». Наиболее адекватным (хотя и неканоничным) переводом понятия *non-productive laborers* может служить известное выражение раннесоветского времени «пролетарии умственного труда».

под удар каждого прежде уважаемого человека из высшего сословия, из-за чего стремительно падает статус и репутация представителей элиты; под сомнение ставится их способность к адекватной интеллектуальной деятельности. С течением времени они делаются предметом всеобщей ненависти.

В интеллектуальной атмосфере формируется идея «хороших парней»⁶. Как интеллектуалы, так и массы отождествляют плохую власть с плохими правителями. По их мнению, власть плоха только потому, что ей распоряжаются плохие люди. Представителям правящего класса, вне зависимости от того, каковы они на самом деле, приписываются самые нелицеприятные качества. И в этом видится проблема управления государством. Как альтернативу «плохим правителям» публицисты выдвигают концепцию «хороших парней», которые должны получить власть для того, чтобы нормализовать жизнь в обществе. Публицисты не сразу осознают объективность функционирования социальных институтов и их слабую зависимость от личного фактора. В некоторых случаях публицистам и репрессуемым удается добиться замещения «плохих правителей» «хорошими», однако традиционные институты обнаруживают свою автономность, и в обществе проявляется разочарование в «хороших парнях». Приходит понимание того, что причина дисфункционального состояния общества — в устаревших социальных порядках, закреплённых в законодательной базе и повседневных практиках. С этого момента революция вступает в стадию борьбы с институтами.

Ранние этапы революционного процесса характеризуются бессистемным неконструктивным недовольством, критика в эти периоды направлена практически на все социальные институты. Основная функция, которую выполняют публицисты в это время, — это постепенное фокусирование народного внимания на определенных институтах и лицах, их представляющих. Именно эти институты с течением времени и становятся предметом всеобщего недовольства.

Однако бывает, что критика интеллектуалов направляется не на те институты, которые в действительности репрессивны. В таких случаях революционный процесс как бы приостанавливается, и начинается поиск новых целей для борьбы. Этот период порой затягивается на долгое время. Подобной ситуацией могут воспользоваться репрессующие и отсрочить финал революции на несколько десятков лет. Данная особенность общественной психологии может становиться объектом различных политических игр. В том случае, если представители властвующих кругов обладают достаточной дальновзоркостью, они, почувствовав приближение революции, могут сфокусировать

⁶ В России на протяжении веков эта идея воплощалась в феномене «веры в доброго царя».

общественное недовольство на институтах (или группах), воздействие на которые не повлияет на функционирование существующей властной структуры⁷. К числу подобных приемов может быть отнесено и переключение общественного внимания с проблем, существующих внутри государства, на внешнеполитические проблемы и даже на военные действия⁸. Однако это довольно рискованно, поскольку поражение в войне, несомненно, способствует более стремительному развитию революционного процесса.

К числу факторов, способных привлечь общественное внимание и отсрочить грядущую революцию, Эдвардс относит также различные формы оргиастического возбуждения: танцы, фестивали и религиозные движения. Эмоциональная энергия общества, по его мнению, в определенный промежуток времени может быть израсходована только на какую-то отдельную область социальной жизни. Таким образом революционные настроения могут быть трансформированы и революционный процесс на некоторое время остановлен.

Эдвардс указывает на факт формирования у репрессированного класса «психоза угнетения», который «проявляется в навязчивой идее, что в мире нет ничего более важного, чем борьба с угнетением, которая должна стать единственной жизненной целью. ... Психоз угнетения ... превращает более или менее пассивную неудовлетворенность репрессированных групп в активное чувство ненависти к репрессированным» [3, р. 54].

Публицисты акцентируют внимание на том, что репрессированный класс обладает достаточно большим объемом «преимуществ» по сравнению с репрессированным классом и, кроме того, является более значимым в историческом процессе. Усвоение таких идей провоцирует еще больший рост «синдрома угнетения».

Постепенно репрессированный класс сам начинает терять веру в себя, в справедливость своего привилегированного положения. Эдвардс ставит вопрос, каким образом публицисты разрушают веру в себя у репрессированного класса. Его ответ достаточно прост. Публицисты оказывают влияние как на репрессированных, так и на репрессировывающих, так как их основная социальная функция — это моделирование нормативной системы общества, создание и трансляция образцов позитивного и негативного поведения, позитивной и негативной морали. Они формируют систему ценностей, которая распространяется по всему «интеллектуальному пространству». С течением времени

⁷ Найти «козла отпущения» в такой ситуации не составляет особого труда. В данной роли часто выступали представители разного рода меньшинств — этнических, конфессиональных и т. п. (например евреи).

⁸ В связи с этим вспоминается знаменитая формула В. Плева: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

ее принимает большинство членов сообщества, соглашаясь с содержащейся в ней новой системой знаний и новыми моральными кодами, включающими стандарты «мудрости» и «глупости». Если в обозначенной системе ценностных ориентаций высвечиваются негативные качества репрессирующего класса, данный класс постепенно принимает такую характеристику и лишается уверенности в себе.

Помимо вышеперечисленных, Эдвардс выделяет еще два симптома, которые также являются предзнаменованием грядущего социального взрыва: это *экономические стимулы* и распространение *социально-мифологических представлений*.

Эдвардс дает высокую оценку теории Маркса, однако сам стремится избежать абсолютизации роли экономического фактора в историческом процессе. По его мнению, экономические стимулы могут не принимать четкой и узнаваемой формы на первых этапах революционного процесса даже тогда, когда другие симптомы уже очевидны. На данном этапе негативные эмоциональные установки репрессируемого класса по отношению к репрессирующему находятся в зачаточном состоянии. Однако желание получить средства производства и землю постепенно начинает определять сознание репрессируемых. Формируется идея о конфискации собственности, о моральности подобного рода акта. Данная идея, однако, с функциональной точки зрения не является бессмысленной: «...она выгодна не только обществу в целом, но и самим репрессирующим. Те из них, кто выжил, вынуждены становиться производящей силой; при этом происходит изменение условий, которое может быть интерпретировано как этическое движение вперед даже в том случае, если происходит понижение их собственного социального статуса» [3, р. 71]. Ревизия вопроса о моральности собственности, по мнению Эдвардса, — это наиболее интересный предреволюционный процесс. Утверждаются новые морально-экономические принципы: собственность должна принадлежать тому, кто с ее помощью может сделать больше для общего благосостояния, нежели кто-либо еще. Данный тезис наделяет идею конфискации легитимным смыслом, он гораздо более воздействует на массовое сознание, чем все другие морализаторские учения (как из области права, так и из областей религии и этики). Эдвардс рассматривает примеры формирования подобного рода идеологии в Древнем Риме, России, Франции, Англии и США, указывая на универсальные сходства и специфические различия, обусловленные особенностями культурно-исторического развития конкретных стран [3, р. 72-90].

«Социальный миф»

Ограниченная осведомленность народа в государственных делах является одной из причин возникновения социально-мифологических представлений. Так, в политическом процессе могут возникать лидеры — представители репрессирующего класса, выражающие более

лояльное отношение к репрессируемым, которые становятся объектом мифологизации в массовом сознании. Кто-то из них наделяется качествами Спасителя, который избавит народ от вечной тирании репрессирующих и провозгласит всеобщую справедливость.

Распространение социально-мифологических форм мышления, так же как и смещение лояльности интеллектуалов, — обязательный симптом революции. Ни неудовлетворенность существующими условиями, ни заявления публицистов, ни усиление экономической нестабильности не могут спровоцировать настоящую революцию. Все революции обязательно содержат духовный и религиозный компоненты. В данном суждении Эдвардс апеллирует к Г. Лебону, который на примере всех значительных революций показал, что без сверхрационального, «теологического» двигателя ни одна из них не обходилась. Революция всегда осуществляется людьми, которые верят в свою миссию, в то, что связаны с Богом или какой-то иной Высшей силой.

Социальный миф⁹ происходит из сочетания идей, декларируемых революционными интеллектуалами, и элементарных потребностей репрессируемого класса, из противоречия между тем «как есть» и тем «как должно быть». Общественный идеал, заключенный в мифе, охватывает сознание всех — как наиболее социально сильных представителей общества, так и наиболее слабых. «Он является одной из самых могущественных динамических сил, действующих в человеческом обществе, наряду с голодом и сексуальным инстинктом. Он может превратить великую личность в ничтожество и ничтожество в великую личность, жестокого человека в гуманиста, а гуманиста в жестокого монстра» [3, р. 91]. Власть социального мифа исходит не от него самого, а от той силы, с которой в него верят представители сообщества. Любая группа, полагает Эдвардс, для осуществления некоего социального действия, особенно являющегося трудным и опасным, должна обладать достаточной психологической силой, которую постоянно что-то поддерживает. Должна ощущаться особая миссия, которая имеет трансцендентные основания. Данную функцию выполняет социальный миф. Социальный миф не поддается обоснованию логическими методами. В своей «аргументации» он опирается на веру, а не на соображения и доводы рассудка.

Революционное восстание

В изложении своей концепции Эдвардс придерживается четкой логики, в точности следующей за хронологией самого революционного процесса. После проявления предварительных и обязательных симптомов революции наступает фаза реализации революционных настроений в исторической практике. Конкретной точкой, от которой

⁹ Термин «социальный миф» Эдвардс заимствует у Жоржа Сореля. Об особенностях понимания Сорелем обозначенного понятия см.: [9].

начинается отсчет активной революционной фазы, Эдвардс называет некоторое событие, сигнализирующее о явном разрыве между репрессируемыми и репрессирующими. В качестве примеров автор называет февральскую стачку в Петрограде, Бостонское чаепитие, взятие Бастилии и сожжение Лютером папской буллы. Они происходят из уже создавшейся ситуации социального разложения. Однако трудно отделить данный акт от серии незаконных актов, происходящих в период, предшествующий активной революционной фазе.

Толпа

Психологическая подготовка к активным революционным действиям заканчивается тогда, когда возникает определенная группа людей из репрессированного класса (толпа), которая чувствует себя в состоянии на протяжении достаточно продолжительного времени действовать для достижения конкретной революционной цели. Появление революционной толпы означает, что общество уже вступило в активную фазу революции. По мнению Эдвардса, такая толпа не является внезапно возникающей, неуправляемой силой, ее действия достаточно жестко регламентированы. Толпа не прислушивается к идеям, которые идут вразрез с ее представлениями, сформированными предыдущим опытом; в противном случае в ней возникла бы дезинтеграция. Эдвардс характеризует толпу следующим образом: «Толпа не думает. Она принимает или отвергает идеи как целое. Ее члены управляемы фразами, символами и шибболетами. Они не принимают ни дискуссии, ни критики. Любое предложение, имеющее к ним отношение, возбуждает их сознание и является основанием для модификации реакции в действие. Толпы руководствуются только экстремальными чувствами и практикуют насилие, они приписывают сверхъестественную власть своим лидерам или формуле, которая вызвала их энтузиазм» [3, р. 99-100].

Толпы, однако, не являются полноценными революционными акторами, зачастую они оказываются лишь объектами манипуляции и политической игры. Роль толпы в революционном процессе в большинстве случаев оказывается преувеличенной. Мнение, согласно которому революционная толпа — самая жестокая и кровавая, Эдвардс считает безосновательным. Представление о том, что толпа состоит из бродяг, головорезов, убийц и других «отбросов» общества, считает автор, также не соответствует действительности. В составе толпы присутствуют добропорядочные граждане, которые в повседневной жизни просты и скромны, — «механики, рабочие, мясники, булочники» и т. д. Эдвардс отмечает, что жестокость толпы не зависит ни от социального происхождения ее членов, ни от уровня их образования. Действиями толпы руководят ее лидеры и обстоятельства, а не социальная установка ее членов.

Действия толпы знаменуют начало активной революционной фазы. Они встречают поддержку большего числа членов уже разложившегося общества. Это происходит потому, что члены общества давно ждали реформ, а они не проводились. Однако мало кто осознает, что зарождающийся у всех на глазах процесс — это именно революция.

Авторитарность революции

Эдвардс утверждает, что революция есть нечто большее, чем дезинтеграция общества. Революция, по его мнению, — это реинтеграция в соответствии с более эффективными правилами социального устройства, не анархия, а время деспотизма, в течение которого уничтожается каждый, кто ему противостоит, это — как конец, так и начало власти. Во главе революционного движения стоят не столько революционеры, сколько автократы, такие, как Цезарь, Кромвель, Робеспьер, Ленин и т. д. Неотъемлемая часть революционного прорыва — формирование новой сильной власти. К власти приходят лидеры, обладающие экстраординарными управленческими способностями, стремящиеся внести порядок в общественную жизнь.

Шибболеты

С переходом революционного процесса в активную стадию в обществе наблюдается беспрецедентное распространение шибболетов — «слов, формул или символов, которые имеют абсолютно противоположные значения для разных социальных групп» [3, р. 112]¹⁰. Шибболеты появляются в результате выработки новых правил и обычаев внутри сообщества. Это одно из «средств изоляции», отделяющих друг от друга (психологически и физически) представителей двух и более социальных групп. К таким средствам изоляции относятся религиозные убеждения, устройство церкви и ритуалы, особенности речи, правила еды, работы, правила одевания, специфика патриотических чувств, экономические и политические традиции и т. д.

Наиболее типичные шибболеты и другие средства изоляции социальных групп, выделяемые Эдвардсом:

Шибболеты	Другие средства изоляции
<p>Протестантская реформация</p> <p>слова «католик» и «протестант», «папист» и «еретик», «лютеранин», «кальвинист», «анабаптист», «месса», «конфессия», «монах» и др.</p>	<p><i>особенности речи</i>: клятвы именами святых у католиков и цитирование Библии у протестантов; <i>правила еды</i>: рыба по пятницам и в постные дни; <i>правила работы</i>: католические дни святых и другие религиозные праздники; <i>правила одевания</i>: ношение крестов, распятий и амулетов;</p>

¹⁰ Данное понятие можно отнести к более широкой категории — той, которую ранний Сорокин маркировал при помощи концепта «проводников взаимодействия». Речь идет о неких фетишизированных символических посредниках, участвующих в процессе трансляции значимой информации от субъекта к субъекту в интерментальном пространстве.

специфика патриотизма: лояльность к нации, идентифицируемой с сообществом индивидов, которые исповедуют государственную религию.

Пуританская революция

«кавалеры» и «круглоголовые», «роялист», «пуританин», «прелат», «епископальный», «пресвитерианский» и др.

особенности речи: у роялистов — присяги, клятвы и свободная речь, у пуритан — набожные фразы, цитирование библейских текстов с доминированием носовых звуков; *типичные развлечения:* у роялистов — театры, балы, азартные игры и общая свобода, у пуритан — отсутствие всего вышеназванного; *правила одевания:* у роялистов — длинные закрученные волосы и изысканные костюмы, у пуритан — прямые волосы и неяркие, простые костюмы; *экономические традиции:* у роялистов — беспечность, сумасбродство и долги, у пуритан — бережливость и платежеспособность.

Американская революция

«Янки Дудл», «янки», «британцы», «тори», «лоялисты», «красные камзолы», «виги», «патриоты», Георг III, Джордж Вашингтон и т. д.

политические традиции: бесчисленные революционные тайные общества и другие организации.

Французская революция

«свобода», «равенство», «братство», «роялисты», «аристократы», «монархисты», «республиканец», «санкюлоты», красная кокарда и белая кокарда, fleur-de-lis и триколор, «Марсельеза» и др.

правила одевания: простое классическое платье в противоположность богато украшенному придворному наряду; *политические традиции:* развитие революционных кружков и сообществ.

Русская революция

«большевики», «капитализм», «коммунизм», «буржуазия», «социализм», «пролетариат», «советы», красный флаг, «Ленин», «Троцкий», «царь Николай II» и «царица» и др.

политические традиции: радикальные клубы и сообщества процветали везде.

Реформаторы и радикалы

Распространение шибболетов делает очевидным тот факт, что общество расколото на две основные группировки. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что общество разделяется на три фракции: консерваторов, стремящихся к удержанию власти, реформаторов, которые хотят, чтобы изменения происходили медленно и на законных основаниях, и радикалов, желающих осуществления фундаментальных изменений в кратчайшие сроки. На момент начала революции состав реформаторов гораздо более многочислен и представительен, чем состав радикалов. В это время радикалы действуют в альянсе с реформаторами (первые чувствуют себя еще слишком слабыми и уязвимыми, чтобы решиться на самостоятельное выступление). В целом же, по сравнению с консерваторами реформаторы и

радикалы выступают как гораздо более сильная группа. Первое революционное восстание, в которое вовлечена толпа, является продуктом совместной деятельности реформаторов и радикалов. Революционной борьбой, по мнению Эдвардса, следует, прежде всего, считать борьбу реформаторов и радикалов за власть. Консерваторы — слабый и малочисленный сегмент общества, они достаточно быстро устраняются с арены политических событий.

Реформаторы всегда занимают главенствующие позиции после революционного взрыва, они формируют новое «незаконное» правительство, которое постепенно превращается в «легальное». Они либо отстраняют прежнее правительство от власти, либо добиваются полного контроля над ним. Под руководством реформаторов проходит первый этап революции. На этом этапе проводится достаточно большое число реформ, однако не случается ничего такого, что можно описать как революцию в полном смысле слова. Реформы распространяются из больших городов в маленькие. Это время Эдвардс называет «эрой оптимизма». Его характеризует спад революционных настроений, минимизация социальных волнений, ощущение того, что все в обществе нормализовалось.

Однако данный этап революции краткосрочен. Провал реформ и падение реформаторов сочетаются с гонениями на консерваторов и их массовой эмиграцией. Указанный факт представляет собой главную причину следующего за «эрой оптимизма» всплеска насилия, что в свою очередь приводит к гражданской войне, победе радикалов и террору. Отток консерваторов уменьшает численность оппозиции радикалам. Разрушается то равновесие политических сил, которое способствовало приходу к власти реформаторов. Последние перестают восприниматься как уравновешивающее звено, становясь участниками политической борьбы. Такая логика развития событий естественна для всех трех сторон. «Будучи во власти консерваторов они [реформаторы] подвергались преследованиям. Годами агитации они были научены воспринимать консерваторов как своих естественных врагов. Устранение консервативной оппозиции, безусловно, способствовало реформам и добавило власти реформаторам. Однако такое положение сохраняется только до тех пор, пока радикалы не становятся более организованными. Консерваторы в свою очередь не пытаются прийти к соглашению с реформаторами. Они озлоблены преследованиями, которые являются для них новым опытом, во всяком случае, таким, в котором они выступают в роли жертв. Они первыми среди прочих партий революционного времени осознают, что исход может быть решен только силой, а их отступление — это лишь первый шаг к войне» [3, р. 120-121].

Несмотря на собственную капитуляцию, консерваторы пытаются вернуть прежние позиции, прибегая к помощи армий зарубежных

союзников и внутригосударственных заговоров. Однако воззвание к зарубежным силам является для консерваторов роковой ошибкой. В большинстве случаев их усилия оказываются бесполезными и только играют на руку радикалам. После прихода к власти (на первом революционном этапе) реформаторов и радикалов наступает время террора — более жесткого, чем прежний. Правда, впоследствии это время остается незамеченным или оправдывается, так как новый террор представляет собой террор большинства.

Подъем радикалов

Революционный процесс развивается сходным образом во многих случаях до того момента, пока к власти не приходят реформаторы. Последующее развитие революций может идти в трех различных направлениях: подавление — власть возвращается консерваторам; преобразование — власть остается в руках реформаторов; победа радикальной революции — власть переходит к радикалам.

В том случае, если реформаторы удерживают власть, государственная политика начинает ориентироваться, прежде всего, на интересы среднего класса. Власть становится жесткой; лидерами подобного рода правительств являются талантливые политические деятели, которые уже имеют достаточный опыт в деле налаживания отношений с народом. Данный исход революционного процесса приносит наименьший вред социальной системе.

Если правительство реформаторов оказывается недостаточно сильным, власть могут снова взять в свои руки консерваторы, которые склонны прибегать к помощи иностранных армий и капиталов. Однако достаточно часто консерваторы добиваются успеха собственными силами из-за несостоятельности противников. В случае победы консерваторов социальная ситуация возвращается к такому же состоянию, в котором она находилась до революционного взрыва. В такой ситуации они могут оставаться у власти как несколько лет, так и несколько десятилетий; воспроизводится тот же режим, что и перед революцией. Это в корне отличается от результатов радикальной революции, когда восстанавливаются «симулякры» прежнего режима.

Наиболее часто встречающимися революциями являются радикальные. Период между «эрой оптимизма» и установлением власти радикалов достаточно смутен. С течением времени влияние идей радикалов растет, а их лидеры получают все больше и больше власти. Социальные настроения в такой период подвержены серьезным колебаниям, но тем не менее существует общий тренд — радикализм. Эдвардс выделяет девять основных признаков, характеризующих данный революционный этап:

1. Появление достаточно большого количества новых слов и выражений, ориентированных на артикуляцию новых идей и нового опыта, что свидетельствует о ментальной активности масс.

2. Изменение стандартов индивидуальной морали. Всплеск открытых дискуссий об эротике и чувственной сфере. Изменение представлений о таких социальных фактах, как брак, развод, проституция и т. д. Интимные стороны жизни становятся предметом рационализации, освобождаются от ограничений и предрассудков.

3. Изменения в экономической сфере. Происходит слом старой системы собственности и контроля. Человек получает возможность бороться против экономической и политической эксплуатации. Он уже не работает так интенсивно, как прежде, проводит время в дискуссиях, спорах, дебатах или просто в праздности. Следствием этого становятся бедность и дефицит. Общество обращает все большее внимание на рабочего человека, и он, в свою очередь, утверждается в мысли о том, что необходимо обществу, и требует к себе более внимательного отношения, чем прежде.

4. Изменение представлений о власти и субординации. Большинство осознает себя как силу, способную практиковать тиранию по отношению к бывшим тиранам. Уважение к любой власти, за исключением революционной, постепенно сходит на нет.

5. Усиление территориальной мобильности населения. Типичными причинами путешествий являются жажда наживы; желание участвовать в событиях на той или иной стороне; стремление укрыться в ожидании лучших времен и др. Перемещения населения ведут к изменению его состава. Флуктуируют размеры городов. Результатом миграционных процессов становится культурное обогащение населения, ликвидация старых предрассудков и архаических традиций. Заметно ускоряются темпы жизни.

6. Высокий уровень социальной мобильности. В этот период одаренные люди имеют хорошие шансы для раскрытия собственных способностей. Зарождается идея равных шансов и возможностей.

7. Смена мировоззренческих позиций. Заметен рост политической информированности и заинтересованности. Распространяется скептическое отношение к религии. Формируется способность принимать новые точки зрения.

8. Отношение к преступности и девиантному поведению. Подвижка в ценностных ориентациях ведет к тому, что некоторые аксиологические системы, считавшиеся прежде незаконными, во время революции становятся героическими: тот, кто считался преступником, в период революции может восприниматься как герой. Преступность как таковая не является отличительной чертой революции.

9. Демографические показатели. Революция оказывает негативное влияние на состав населения. Растет уровень смертности среди молодых и способных людей. Под влиянием прямых и косвенных причин сокращается численность населения. Вместе с тем повышается уровень брачности.

Логика развития активной фазы революционного процесса

Эдвардс указывает на существование общей логики событий, образующих активную фазу революционного процесса. Однако, оценивая возможности методологически обоснованной критики (в духе фальсификационизма), он не пытается говорить о каких бы то ни было «универсальных законах». Эдвардс характеризует свою концепцию всего лишь как правдоподобную гипотезу, которая в будущем может быть опровергнута. Гипотетический порядок событий после революционного взрыва, по Эдвардсу, может быть описан следующим образом:

1. Начало «эры оптимизма».
2. Освобождение политических заключенных практически сразу после прихода к власти реформаторов.
3. Видимое объединение реформаторов и радикалов.
4. Один раз или более (до своей окончательной победы) радикалы пытаются захватить власть.
5. Правительство реформаторов подвергается атакам не только со стороны радикалов, но и со стороны консерваторов.
6. Реформаторы предпринимают попытку управлять армией не военными, а политическими методами. Наиболее характерная черта реформаторов — их полная некомпетентность в военных вопросах. Следствием административной неадекватности такого управления становится деморализация армии.
7. Затишье перед бурей. Время правления реформаторов может быть названо «периодом революционного мира», несмотря на происходящие в обществе выступления и бунты, внутригосударственные восстания и внешние войны.
8. Возрастает потребность в деятельном и талантливом правительстве. Радикалы представляются единственной силой, способной нормализовать ситуацию в государстве.
9. Радикалы становятся популярны, их притязания на власть поддерживаются общественным мнением, несмотря на то, что они представляют собой политическое меньшинство. Их идеи возбуждают общественный энтузиазм, их лозунги подхватываются. Само общество не становится более радикальным, однако оно дает радикалам шанс показать, на что они способны.
10. Приход радикалов к власти сопровождается арестами и гонениями на реформаторов.

Правление террора

После прихода к власти радикалы сталкиваются с рядом проблем. Основными являются иностранные вторжения, внутригосударственные бунты и отсутствие опыта руководства государством. Однако ряд качеств, присущих радикалам, обеспечивает им всеобщую поддержку и признание. К числу достоинств радикалов можно отнести их «политическую состоятельность»: они доказали свое право на существование в ходе длительной борьбы, вышли победителями из гражданской

войны, являются более отважными, талантливыми и решительными по сравнению с прежними правителями, и у них есть желание действовать. Основная характеристика правления радикалов — это физический и ментальный кураж, которым охвачены практически все члены общества. Люди полностью верят в истинность установок радикалов, в то, что они способны руководить государством.

Радикалы, занявшие доминирующие позиции в государстве, быстро осознают, что необходимым условием удержания власти является опора на военные силы. В это время противники нового режима еще открыто выражают намерение отстранить радикалов от власти и ликвидировать их лидеров. Демонстрация консерваторами и реформаторами своих намерений опасна: радикалы очень чутко реагируют на проявление малейшей агрессии и физически устраняют лиц, от которых она исходит. За угрозой смерти какому-либо радикальному лидеру следует череда смертей представителей консервативного и реформаторского лагерей. Угроза радикальным лидерам, однако, исходит не только от консерваторов и реформаторов, но и со стороны военных сил иностранных государств, которые действительно имеют возможность уничтожать радикалов, оказавшихся в зоне их влияния. В условиях постоянной угрозы поведение радикалов основывается на естественном стремлении обезопасить себя. Под патриотизмом и безопасностью страны в рамках зарождающейся идеологической программы понимается полная лояльность к радикальному правительству и его действиям. Постольку, поскольку радикальные лидеры возглавляют национальную оборону, они воспринимаются массами как истинные патриоты и герои.

Всплеск национального патриотизма и расцвет социальной мифологии — наиболее важные духовные основания успеха военной кампании, возглавляемой радикальными правительствами. Патриотические настроения укрепляют социальный миф, и солдаты, опьяненные этим психическим «коктейлем», превращаются в ни с чем не сравнимую силу. Военное оснащение революционных армий в большинстве случаев достаточно бедно. Однако это не самое важное. «Их высокий моральный дух компенсирует бедное оснащение. В любом случае радикальное правительство, поддерживаемое общественным энтузиазмом, оснащает свою армию настолько хорошо, насколько это вообще возможно в сложившихся обстоятельствах... Лидеры радикалов выигрывают у своих предшественников не столько в уровне военного оснащения армии, сколько в техниках политического контроля над ней» [3, p. 162-163].

Другая проблема, с которой сталкиваются радикалы, — это вспышки внутренних бунтов и мятежей. Народ в целом может предпочитать правительство радикалов, однако у консерваторов и реформаторов еще сохранилось достаточно большое число сторонников,

стремящихся вернуть власть тем лидерам, при которых они имели максимум прав и привилегий.

Еще одна проблема — отсутствие опыта управления. Радикалы получили власть и, следовательно, обязательства по регуляции общественных и политических отношений. Однако выполнение подобной миссии обременено не столько отсутствием опыта, сколько институциональными кризисами. Бюрократический аппарат, обеспечивающий работу государственной системы, полностью состоит из людей, назначенных прежним правительством и в большинстве своем имеющих те же политические установки, что и назначившие их руководители. Чиновники саботируют распоряжения нового правительства, то и дело возникают бунты. Сложившаяся ситуация угрожает катастрофой. Единственным выходом из нее оказывается террор.

Изначально функция террора — «выпуск пара из котла», снятие социальной напряженности. Эта революционная фаза производит достаточно большое впечатление на общество. «Террор предстает как дикая оргия необузданной страсти» [3, р. 175]. Однако террор не такой кровавый, каким кажется. Эта драма разыгрывается для сохранения государства, предотвращения его разрушения. Погромы и резня часто представляют собой инсценировки, используемые для создания необходимого впечатления. Целью подобных акций является достижение полного социального контроля. Смерти и разрушения — необходимое условие террора, однако они возникают лишь эпизодически. Главный инструмент террора — устрашение, а не убийство. Он удерживает общество от гражданской войны. Для продуцирования страха используется пропаганда. Возникает иллюзия тотального контроля, тотальной слежки, целенаправленно создается впечатление, что малейшая враждебность режиму означает моментальную смерть. Необходимое условие террора — общественная доверчивость, если ее не будет — не будет и самого террора.

Перед террором каждый член общества должен чувствовать страх — как богатый, так и бедный. Для этого показательным казням подвергаются и те, и другие. Однако представители простого народа подвергаются казням реже, так как государству требуется большое число солдат и рабочих. Террор не только отводит поток социальной напряженности в жестко заданное русло; он являет собой месть бывшего эксплуатируемого класса за социальную несправедливость, которая переживалась им достаточно долго.

Возвращение к нормальности

Революционная напряженность угасает незаметно. В том случае, если революция оказывается удачной, последующие события банальны и лишены драматизма. Режим террора в обществе поддерживается привычкой к политической и эмоциональной напряженности. Террор

длится столько же, сколько «эта безумная оргия эмоций». Подобное эмоциональное напряжение сохраняется некоторое время после вступления революции в стадию террора; по ее завершении наступает время эмоциональной и психологической вялости членов сообщества.

Последствием «политической оргии» является экономический хаос (колоссальные расходы на военные нужды, общий паралич торговой и коммерческой деятельности, отсутствие опыта руководства общественными средствами у новых чиновников). Правительство нуждается в деньгах, однако источники пополнения государственной казны практически полностью блокированы. Правительство не может ни поднять налоги, ни взять деньги в долг. Из сложившейся ситуации оно видит два основных выхода — это конфискация и денежная эмиссия. Чрезмерная денежная эмиссия начинается еще в период правления реформаторского правительства и продолжается во время террора. За политическим террором следует экономический, полностью разрушающий систему товарообмена внутри государства.

Продолжительность террора находится в полной зависимости от масштабов насилия, практикуемого правительством: чем выше уровень насилия, тем короче сроки террора [3, p. 189]. Однако террор никогда не заканчивается внезапно, после завершения основной стадии он отступает, оставляя после себя шлейф угроз и сеть шпионажа. Законы времен террора также не сразу прекращают свое существование, они отмирают на протяжении месяцев, а иногда и лет. В течение значительного периода усилия революционного правительства направлялись на превращение страны в эффективно функционирующую «военную машину». Обратное перерождение происходит с большими сложностями. Уже нет общественного энтузиазма, который мог бы помочь правительству в реализации мирной программы. Не существует больше опасности, которая прежде порождала общественную солидарность. В это время востребованными оказываются такие качества профессиональных политиков, как двуличие и изворотливость. Революционные деятели, бывшие ранее честными и бескорыстными, пытаются компенсировать собственные моральные и материальные затраты за счет населения. Они становятся бесчестными и пассивными в исполнении своих должностных обязанностей. На этом этапе революции слабость и продажность радикального правительства зачастую превышает слабость и продажность предреволюционного правительства. Однако люди терпеливо выносят сложившуюся ситуацию — частично по причине того, что они устали от борьбы и кровопролитий, а частично из-за убеждения, что власть находится в их руках и ситуацию возможно разрешить мирным путем и на законных основаниях.

После победы революции проявляют себя политические карьеристы, которые усваивают новую лексику, образцы поведения и

присоединяются к членам победившей партии. Однако до момента окончательного утверждения революционной власти они предпочитают оставаться в тени. Тип политического карьериста может быть охарактеризован как личность без политических убеждений, желающая сделать карьеру на государственном поприще.

После окончательной победы революции чистый идеализм, которым руководствовались большинство людей, мутирует и прекращает существование. Люди начинают руководствоваться узкокорыстными интересами. Наблюдается падение морального духа. Прежде честные и некоррупцированные политические лидеры назначают на высокие правительственные посты своих родственников, друзей, зависимых людей без учета их профессиональных качеств.

После окончания террора и прекращения военных действий радикальная партия подвергается значительному видоизменению. Его природа сопоставима с изменением состояния секты, приобретающей статус деноминации¹¹. Развивая данное сравнение, Эдвардс приводит перечень основных характеристик секты, к которым относит следующие: 1) состояние войны с существующим моральным порядком; 2) попытки утвердить новую социальную систему, отличную «от срединной», в которой секта существует; 3) выигрыш от стратегии изоляционизма, особая роль шибболетов в рамках данной стратегии; 4) одухотворенность от выполнения миссионерских целей.

В ходе революционной борьбы право радикальной группы на существование оспаривается всеми другими субъектами, вовлеченными в политический процесс. Однако после того, как секте или радикальной партии удастся доказать свое право на жизнь, она начинает вступать в процесс приспособления, а следовательно, — видоизменяться. Изначальный проект изменения всего мира революционными средствами постепенно «растворяется», утрачивая свою актуальность для членов группы. Бывшая прежде радикальной группа вынуждена признать, что она не имеет намерения стать единственной властью на земле. Провозглашаемое ее адептами осуждение всего остального мира потеряло прежнюю жесткость, так как она добилась общего признания и равных прав. Борьба с другими группами, претендующими на власть, перерастает в открытую войну. Изоляционистская позиция и шибболеты существенно ограничивают радикальную группу, когда она переходит в статус властной структуры. Радикалы в своем новом качестве осознают, что экономического подъема и социального прогресса можно добиться только в том случае, если будет достигнута взаимная толерантность с прежними врагами. По причине

¹¹ Здесь Эдвардс опирается на классическое противопоставление типов религиозных организаций (церковь — секта), описанное в трудах М. Вебера и Э. Трельча.

того, что радикалы оказались победителями в этой борьбе, они теряют значительную часть своих сектантских особенностей.

Процесс приспособления идет до тех пор, пока революционное правительство не разработает новые принципы собственного функционирования, пока не будет принято новое работающее политическое соглашение. Соглашение является принятым в том случае, если всеми субъектами революционного общества определены взаимные отношения и выделены зоны влияния. Революция может считаться законченной, когда процесс приспособления уже достиг той точки, в которой лидеры политических группировок, наконец, обрели взаимопонимание, а их отношения перешли в мирное русло. В сложившейся ситуации формальное международное признание менее важно по сравнению с внутренней реорганизацией самого революционного общества. Реформаторы и консерваторы снова готовы участвовать в общественной деятельности. Создается впечатление, что вновь установившийся порядок будет постоянным. После того как улажены основополагающие идеологические и стратегические вопросы, процесс реконструкции общества идет легко и быстро.

Обновленный социальный порядок в своих основных чертах похож на прежний, который революция стремилась уничтожить. Новые революционные принципы просто подставляются на место старых схем. Основная революционная доктрина сохраняется, несмотря на все последующие изменения в политическом устройстве.

Из-за пассивности революционного правительства и апатии граждан экономическая ситуация входит в состояние кризиса. Пространство экономики заполняют обесцененные бумажные деньги, появляются акты беззакония. Основные обязанности по регулированию ситуации возлагаются на лидера революционного правительства. Он формально или неформально руководит реконструкцией социального порядка, который уже базируется на прочном, постоянном фундаменте. Умеренно-консервативная часть революционных лидеров приходит к взаимопониманию и разрабатывает основополагающий законодательный акт (что в свою очередь порождает резкое противостояние со стороны радикалов). Но, несмотря на это, новая конституция (или другой основной закон) восстанавливает сходную с предреволюционной организацию правительства. С этого момента большинство граждан смиряются с революцией, бывшие революционные фракции преобразуются в политические партии. Народ привыкает к новому порядку и перестает расценивать его как опасный. Революционное правительство с течением времени становится менее революционным. На этом революция заканчивается. Она завершается тогда, когда большая часть населения страны признает новый социальный порядок и принимает новое правительство.

Несмотря на все уступки революции, был произведен ряд серьезных преобразований. Прежде всего, революция заменила некомпетентный традиционный правящий класс на компетентный и современный. Эффективность и современность власти определяется тем, какой класс общества представляет правительственная олигархия — способный или неспособный.

Действительным недостатком революции является то, что она жестока и кровава. Однако, как считает Эдвардс, актуализация революционной перспективы зависит от ценностных приоритетов, доминирующих в обществе на определенном историческом этапе: «В том случае, если сохранение мира любой ценой является высшей добродетелью, революции не будет, а если есть что-то, за что стоит бороться, то революция лучше, чем подчинение тирании» [3, р. 206]. Завершая свой анализ революционного процесса, Эдвардс ставит перед читателями ряд вечных (как говорят в России — «проклятых») вопросов: стоят ли выгоды, приносимые революцией, таких жертв, много ли меняется после того, как она свершается, много ли от нее получают люди и цивилизации? По всей видимости, единственной обоснованной реакцией «эксперта» (историка или социолога), «огорошенного» подобного рода вопросами, могут считаться лишь приподнятые плечи и многозначительное молчание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brinton C.* The anatomy of revolution. New York: Vintage Books, 1965.
2. *Edwards L.P.* The mechanics of revolution // St. Stephen's College Bulletin. 1923. Vol. LXIV. No. 2.
3. *Edwards L.P.* The natural history of revolution: 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
4. *Edwards L.P.* The transformation of early Christianity: From an eschatological to a socialized movement. Menasha (Wis.): George Banta Publishing Company, 1919.
5. *Sorokin P.A.* The sociology of revolution. New York: H. Fertig, 1967.
6. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
7. *Батыгин Г.С.* Трансфер лояльности интеллектуалов // Этика успеха: Вып. 2. Москва–Тюмень: Центр прикладной этики, 1994.
8. *Гуревич Е.Б.* Влияние протестантизма на раннюю американскую социологию // Социологический журнал. 1998. № 1/2.
9. *Климов И.А.* Теория социальных мифов Жоржа Сореля // Социологический журнал. 2002. № 1.
10. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.